

КЫРГЫЗСТАН: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

А.Д. Дононбаев

Освещены проблемы развития внешней политики Кыргызстана в контексте национальных интересов.

Ключевые слова: внешняя политика; национальный интерес; многовекторность; стратегическое партнерство.

Изучение международных отношений предполагает анализ внешней политики или политических процессов между государствами, включая все стороны отношений между различными обществами. Близки по значению понятия “международная” и “внешняя” политика.

Для того чтобы оценить реальное положение современного Кыргызстана в системе международных отношений, следует определить его внешнеполитический потенциал. Под ***внешнеполитическим потенциалом***, иначе говоря, ***ресурсным обеспечением***, понимают совокуп-

ность факторов, которые в той или иной степени способствуют достижению целей внешней политики государства. В ресурсном обеспечении можно выделить несколько взаимоувязанных направлений: интеллектуальное, финансовое, материально-техническое, профессионально-кадровое. Недостаточное внимание к любому из них негативно влияет на все остальные.

Как отмечают аналитики, в современном мире на первый план выходят экономическая, научная, технологическая, информационная и иные составляющие национальной мощи – “мягкая сила” (soft power) в противоположность “жесткой”, т.е. военной мощи (hard power). Иначе говоря, речь идет о широком круге ресурсов, которые государство может использовать для достижения своих целей на международной арене, даже не прибегая к вооруженной силе. Если “жесткая сила” имеет своей целью наказать и запугать противника, то “мягкая сила” призвана привлечь его на свою сторону или, во всяком случае, нейтрализовать его сопротивление мирными средствами. В основе “мягкой силы” лежат культура и ценности, идеи и информация, способность создавать имиджи (как свои собственные, так и друзей или врагов) и эффективно “продавать” их внутри страны и за рубежом, обеспечивать легитимность внешней политики государства в глазах, как своих граждан, так и мирового сообщества и т.д.¹

Для определения внешнеполитической стратегии Кыргызской Республики первостепенное значение имеет формулирование ее **национально-государственных интересов**. Использование этого понятия оставляет место для дискуссий. Во-первых, оно говорит о том, что вопреки вульгарным представлениям *в политике* опора на национальный интерес вовсе не равнозначна стремлению к циничному использованию силы, коварству и вероломству. Правильно понятый национальный интерес предполагает признание права на существование, а также обязательное принятие во внимание и уважение ин-

¹ Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone. Oxford. 2000; Lennon A. (ed.) The Battle for Hearts and Minds: Using Soft Power to Undermine Terrorist Networks. Washington. 2003.

тересов всех взаимодействующих сторон. Вудро Вильсон, американский президент – провидец, опустивший занавес над драмой Первой мировой войны, следующим образом раскрывал содержание наступающих в XX столетии перемен: “Нынешний век... является веком, отвергающим стандарты национального эгоизма, ранее правившего сообществами наций, и требует, чтобы они дали дорогу новому порядку вещей...”². Конечно же, реалии ушедшего столетия опровергли эти утверждения. Но пришедший век может и должен оправдать такие надежды.

Во-вторых, *в теоретическом контексте* ни одна из ныне существующих политикомировоззренческих парадигм не обладают монополией на исследуемое понятие. Не следует забывать и другое: при всем нынешнем несовершенстве наука о международных отношениях обязана своим статусом самостоятельной области знания именно тем теоретическим концепциям, которые сделали понятие “национальный интерес” исходным пунктом всего своего анализа. Основные положения данного анализа таковы:

1. Национальный интерес – объективная данность. Он основан на своеобразии географического положения государства и вытекающих из этого особенностей его экономического, политического и культурного развития, с одной стороны, а также на особенностях человеческой природы – с другой. Поэтому национальный интерес представляет собой стабильную основу международной политики государства. Геополитическое положение государства и его окружение, природа тех угроз и вызовов, которым оно противостоит, так же, как и социокультурные традиции его населения и структурные особенности его внешней торговли, не меняются каждый день и поэтому не зависят от произвола или субъективных предпочтений “государей”.

С точки зрения Г. Моргентау, “национальный интерес” содержит два основных элемента: центральный (постоянный) и второстепенный (изменчивый). Второстепенный элемент представляет собой не что иное, как конкретную форму, которую коренной национальный инте-

² Цит. по: Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 40.

рес принимает в пространстве и времени. Центральный интерес состоит из трех факторов: природы интереса, который должен быть защищен, политического окружения, в котором действует интерес, и рациональной необходимости, ограничивающей выбор целей и средств.

2. Национальный интерес вполне поддается рациональному осмыслению государственных деятелей. Последние обязаны исходить из того, что хорошая политика – это рациональная политика, опирающаяся на правильно понятый национальный интерес. Рациональный подход очерчивает рамки возможного в политике, указывает на препятствия объективного характера, которые не позволяют навязать сопротивляющейся реальности ту или иную умозрительную схему, сколь бы привлекательной она ни была. Любые попытки устранить эти препятствия, продиктованы ли они заботой о практических результатах, стремлением ли к надежному предвидению или к преодолению неопределенности политики, обречены на неминуемый провал, поскольку исходят из того, что желательно, вместо осознания того, что возможно. Более того, подобные попытки не только утопичны, но и опасны, поскольку зачастую они основываются на моральных или идеологических предпочтениях.

3. Несмотря на то, что суть политики состоит в стремлении к утверждению моральных ценностей посредством власти, это не означает, будто политик может претендовать на знание того, что является морально обусловленным для “государства” в той или иной конкретной ситуации. Вытекающее из подобных претензий “беспечное предположение”, что носителем и выразителем морального блага является какая-то одна нация, а исповедующей зло – другая, несостоятельно не только морально, но и интеллектуально. Моральная политика исходит из необходимости согласования и компромиссов в защите национальных интересов государств на международной арене, из стремления к достижению “всеобщих интересов”, что несовместимо с соперничеством политических идеологий.

4. Национальный интерес кардинально отличается от общественного интереса. Если первый существует в условиях анархической, международной среды, то второй связан с системой

законов, регулирующих внутригосударственную политику. Иначе говоря, понятие “общественный интерес” в отличие от понятия “национальный интерес” относится к сфере внешней политики государства. Следует обратить внимание, что сторонники строгого понимания категории “национальный интерес” как в теории, так и в политической практике, неизменно придерживаются этого разделения.

Как известно, конкретными формами практического воплощения национальных интересов во внешней политике являются выработка долгосрочных концепций и дополняющих их кратко-, средне- и долгосрочных стратегий по наиболее актуальным проблемам внешней политики.

В существующем варианте концепции внешней политики республики отмечается, что одним из фундаментальных принципов внешнеполитической стратегии нашего государства выступает многовекторность.

Надо полагать, что многовекторность – это некий механизм выражения национальных интересов страны во взаимодействии его с окружающим миром. Но, вместе с тем, очевидно и то, что многовекторность является гибким механизмом в умелых руках. Если она умело применяется, то страна имеет свободу маневра, т.е. выбора своих тактических шагов. Одновременно она сможет твердо следовать намеченной стратегической линии.

Иначе говоря, в реальном воплощении концепция многовекторности, по-видимому, предполагает глубоко взвешенное отношение к выбору партнеров. Здесь не может быть, как правильно отмечается нашими экспертами, “шараханья из стороны в сторону”. Сегодня с одними, а завтра – с другими. Погоня за сиюминутными выгодами в краткосрочном плане, чаще всего может обернуться, как показывает исторический опыт, утерей весьма значимого капитала – капитала доверия. Поистине, межгосударственное доверие – это политический капитал.

Из этого следует, что в комплексе обозначенных национальных интересов должны быть приоритеты. Приоритетным может быть то, без чего стране обойтись невозможно, без чего нельзя жить. Характером такой приоритетности обладает, разумеется, определенный ряд нацио-

нальных интересов и прежде всего те из них, которые требуют неотложных мер.

В последнее время как бы исподволь нарастает напряженность между центральноазиатскими государствами в сфере водно-энергетических ресурсов. Явно ощущается, что здесь накапливается конфликтный потенциал, и не исключена вероятность, что ситуация может внезапно выйти из-под контроля. Это примерно то же самое, когда снежный ком, медленно сползая с вершины, у подножья превращается в стремительную лавину.

Однако мы не должны исключать возможность, что события могут пойти по неблагоприятному сценарию и предусматривать способы выхода.

Нам от наших соседей никуда не уйти. И им также придется рядом с нами жить. Но как нам уйти от бесконечных споров, раздоров и конфликтных ситуаций с нашими соседями?

Представляется, что в долгосрочном плане, это, прежде всего и главным образом, всемерное стремление к созданию атмосферы доверия и взаимного притяжения с нашими соседями по Центральноазиатскому региону.

Находясь в рамках узкопонимаемых национальных интересов, по-видимому, мы будем оставаться в плену бесконечных конфликтов. Думается, здесь есть единственно приемлемый выход – ускорить процесс центральноазиатской интеграции посредством интенсивного развертывания потенциала ЕврАзЭС.

Конечно, есть ряд формальных и неформальных противоречий вхождения республики в тот же Таможенный союз, создаваемый Россией, Казахстаном и Белоруссией. Например, Кыргызстан член ВТО, а Россия еще нет. К тому же инерция *дезинтеграции*, начавшаяся с распадом СССР, продолжает сохраняться во взаимоотношениях Центральноазиатских государств. Именно поэтому мы настолько озабочены тем, как бы сохранить свой суверенитет. А между тем европейские страны отказались от части своего суверенитета ради интеграции. Мы должны противопоставить силе *дезинтеграции* опережающее развитие *реинтеграции*.

Процесс формирования и развития внешнеполитических ориентиров страны нужно

вписывать в контекст современных мировых тенденций. Более того, в концепции и стратегии внешней политики Кыргызстана должны быть отражены мировые тенденции. Одна из них, все более проявляющаяся, – *экономизация* международных отношений, а также набирающая темпы *торгово-экономическая конкуренция*.

Недаром Ф. Бродель и И. Валлерстайн предложили научный термин “мир-экономика”. Сейчас мировая конкуренция развертывается не только и не столько между отдельными государствами, сколько между отдельными регионами. Возникновение и развитие региональных экономических организаций есть отражение данного явления.

Императивы современных мировых тенденций таковы, что нашей республике надо быть всемерно заинтересованной в упрочении Евразийского экономического сообщества и всеми возможными средствами участвовать в его деятельности. И на базе данного сообщества инициировать создание в перспективе общих наднациональных политических структур.

Регионализация международных отношений выражается в том, что, наряду с открытостью, т.е. *глобализацией*, усиливается тенденция защиты национальных интересов посредством образования объединений типа ЕС, НАФТА, АСЕАН, АТЭС и т.д. Вообще Запад, например, сильно выигрывает за счет своей внутренней консолидации, которая на порядок выше, чем у других регионов.

Обратим внимание на следующие цифры. В 1953 г. индустриально развитые государства направляли в страны того же уровня развития 38% общего объема своего экспорта, в 1963 г. – 49%, 1973 – 54, а в 1990 г. – 76%.

Во второй половине 90-х гг. XX в. только 5% торговых потоков, начинающихся или завершающихся на территории одного из 29 государств-членов ОЭСР, выходят вовне этой совокупности стран. В то же время развитые постиндустриальные страны импортируют из развивающихся индустриальных стран товаров и услуг на сумму, не превышающую 1,2% их суммарного ВВП. Эта тенденция усилилась в первое десятилетие XXI в.

Эти данные свидетельствуют о том, что, вопервых, существующая ныне неолиберальная

модель глобального экономического порядка приводит к тому, что международные денежные потоки перераспределяются между богатыми странами; во-вторых, более того, развивающиеся страны тоже инвестируют капитал в богатые страны; в-третьих, торговые и инвестиционные потоки стали замыкаться в границах первого мира; в-четвертых, наконец, в проигрыше оказываются развивающиеся и переходные экономики.

Жесткая критика неолиберальной концепции, предпринятая в свое время лауреатом Нобелевской премии Джозефом Стиглицем, надо думать, оправдывает себя.

В формировании национально-государственных интересов большое значение имеет *геополитический фактор*. В основе геополитики лежат объективные реалии, главным образом, географический фактор: протяженность границ, расположение и пространственная протяженность одного государства относительно другого, наличие выхода к морю, народонаселение, рельеф местности, принадлежность государства к той или иной части света, островное положение государства, наличие природных ресурсов и т.п. Из множества факторов, влияющих на деятельность людей, географический менее всего подвержен изменениям. Он служит основой преемственности политики государства, пока его пространственно-географическое положение остается неизменным.

Кыргызстан, несмотря на то, что является в основном горной страной, возник и сложился на том небольшом пространстве громадного региона Центральной Азии, который во все исторические времена продувался с разных сторон многообразными ветрами жизни. Ветрами как различных движущихся человеческих потоков, экономических связей, политических интересов, так и международных взаимодействий, культурных преемствований, религиозных миссий. По этой границе как раз-то и проходил стык цивилизаций Запада и Востока, Юга и Севера. Уже в глубокой древности, двигаясь навстречу друг другу, здесь встретились два мира – Китай и Иран.

Становление евразийской цивилизационной общности берет свое начало со времен татаро-монгольского нашествия во главе с Чингисха-

ном и Батуханом в XIII в. С той далекой эпохи постепенно, даже можно сказать весьма замедленными темпами, закладывается ментально-мировоззренческое, культурно-историческое и нравственно-психологическое пространство единой евразийской цивилизации. Московское государство и Российская империя поворачиваются лицом к Азии. Влияние России в Азии особенно усиливается начиная с XVI в., когда Иван IV вначале завоевал Казанское ханство, а после устремил свои взоры на азиатские земли Сибирского ханства. Эти державные устремления получили мощный импульс при Петре I в XVIII столетии, и были продолжены его преемниками. Во второй половине XIX в. обширная территория Центральной Азии, в том числе Кыргызстан, оказалась вовлеченной в состав Российской империи.

Таким образом, исторические процессы в Центральной Азии с древнейших времен характеризовались геофизическим, геополитическим, геоэкономическим и геокультурным единством. Действие данного фактора позволяет Кыргызстану быть “мостом”, соединяющим различные регионы.

Оптимальное взаимодействие государств и гражданского общества в сфере внешней политики должно способствовать максимальной реализации *национально-государственных* интересов. Отсутствие должного контроля со стороны гражданского общества над внешнеполитической деятельностью государства может привести к излишней бюрократизации внешней политики, снижению ее эффективности. Но и чрезмерная активность заинтересованных групп способна подменить национальные интересы групповыми, корпоративными, что неприемлемо ни для государства, ни для общества. Далеко не всегда и общественное мнение справедливо в своих оценках внешней политики государства. Иногда эти оценки несут на себе заметный отпечаток некомпетентности и субъективности. Об этом следует помнить и в современной Кыргызской Республике, где в последние десять лет формирующееся гражданское общество получило возможности, пусть и небольшие, воздействия на внешнюю политику.

Внешняя политика Кыргызстана в сфере международных экономических отношений

должна обеспечивать благоприятные внешние условия для развития национальной экономики. Для этого необходимо следующее:

- ↳ формировать в стране экономику рыночного типа и получать максимальный экономический эффект от участия Кыргызской Республики в обновленной внешнеэкономической специализации и международном разделении труда;

- ↳ минимизировать риски при дальнейшей интеграции республики в мировую экономику с учетом обеспечения экономической безопасности страны;

- ↳ способствовать полноправному участию республики в международных экономических организациях, защищать в них национальные экономические интересы нашей страны; содействовать расширению отечественного экспорта и

рационализации импорта, а также российскому предпринимательству за рубежом, поддерживать его интересы на внешнем рынке и противодействовать дискриминации отечественных производителей и экспортеров;

- ↳ содействовать привлечению иностранных инвестиций в первую очередь в реальный сектор и приоритетные сферы экономики;

- ↳ приводить обслуживание внешнего долга в соответствие с реальными возможностями страны.

Во внешней политике государств постсоветского пространства, как отмечается многими политиками и политологами, стратегически важным моментом выступает разноскоростной и разноуровневый характер интеграции в рамках Содружества.